

БРАЗ ВОЖДЯ

Советский театр совершил величайшее дерзание, решившись осуществить сценическими средствами образ В. И. Ленина.

Нам долго казалось, что образ Ленина имеют возможность воплощать только живопись, графика, скульптура, поэзия, музыка, но еще отнюдь не драматургия и театр. Мы долго сомневались — достаточно ли выросли наша драматургия и театр для того, чтобы выполнить эту гигантскую задачу.

И сейчас зрители спектаклей театра им. Евг. Вахтангова («Человек с ружьем») и театра Революции («Правда») с необыкновенным трепетом и волнением ожидают, когда на сцене появится артист, играющий роль В. И. Ленина. Ведь у каждого зрителя сложился свой внутренний образ Ильича. Будет ли соответствовать ему образ, созданный актером? Будет ли убедителен исполнитель и театр в целом, в устремлении воссоздать образ вождя, атмосферу исторических дней октября 1917 г.?

Действие пьесы Н. Погодина перебрасывается из окопов армии в особняк миллионеров Симбирцевых в Петрограде, в классы и закоулки Смольного, занятого штабом большевиков. И вот из глубины коридора Смольного появляется вдруг артист, всей своей человеческой сущностью, а не только гримом, напоминающий образ В. И. Ленина. Его запрокинутая набок голова дышит целеустремленностью и волей, огнем и энергией. Зритель, напряженно ожидавший именно этого момента спектакля, все-таки застигнут врасплох. Зритель испытывает то изумительное чувство и радость, какой — мы можем смело сказать — он не испытывал еще ни разу в советском театре. Щукин сумел показать обаяние ума и обаяние характера Ленина. Вот он говорит по телефону со Сталиным и ругает врагов революции штрейкбрехеров Каменева и Зиновьева. Вот он отказывает представителям меньшевиков в праве входить в Смольный. Гневом загораются его глаза. Гнев охватывает его всего. Категоричностью, решительностью, способностью ориентироваться в быстром потоке событий и найти простые и мудрые, единственно возможные решения удивляет образ Щукина. Вот он успокаивает озадаченного комиссара по топливу, растерявшегося от сложности стоящих перед ним задач. «Что должен делать комиссар?» Щукин от имени Ленина разъясняет это сложное понятие, заключая свой ответ широким жестом: «Все!» — и мы уже понимаем, что ко-

ТЕАТР РЕВОЛЮЦИИ.
Засл. арт. М. М. ШТРАУХ в роли В. И. ЛЕНИНА.

миссар должен быть мужественным, неустрашимым, заботливым, должен все учитывать, за всем следить, всюду успевать.

При всей сложности взаимоотношений своего образа с многочисленными действующими лицами спектакля Щукин находит возможным доигрывать каждое положение до его логического конца.

Самое интересное в этом образе — непостижимая ускоренность и напряженность его внутренней жизни. Каждая минута пребывания актера на сцене особенно значительна именно в силу огромного содержания совершающихся при его участии событий.

Если проверить по хронометражу время, проведенное Щукиным на сцене, вероятно, окажется, что это всего несколько минут. Еще меньше находится на сцене Штраух. («Правда» в театре Революции). Но в обоих случаях зритель переживает минуты, как часы и дни, — до такой степени многогранна, насыщена, вдохновенна и сложна жизнь образа.

Испытывая восхищение и восторг перед мастерством артистов, зритель утомляется одновременно так, как будто бы он сам проводил бессонные ночи в Смольном и непосредственно участвовал во всех событиях Великого Октября.

Прошлое октябрьских дней благодаря мастерству артистов становится для зрителя настоящим. История превращается в живую и еще только реализуемую действительность. Вместе с тем, веря в Щукина, и Штрауху в то, что именно так, а не иначе, говорил, мыслил, чувствовал, действовал Ленин, — зритель не забывает ни на секунду того, что перед ним актер, художник и что он находится в театре. Художественный образ передан яркими сценическими красками. Обойдены рифы натурализма. Артисты оживили образ Ленина горячим дыханием творчества. И каждый этого добился и этого до-

стиг своими путями, особенностями своей индивидуальности, своего творческого почерка.

Вот Ильич Щукина сталкивается с смущенным, затерянным в лабиринтах Смольного солдатом Шадриным. Шадрина неудержимо хочется напиться чаю. В поисках кипятка он тычется во все углы и двери, пытается узнать о местонахождении столовой у проходящих мимо него моряков Балтфлота и рабочих, но только в Ленине он находит участливого собеседника. Так возникает беседа вождя Великой Октябрьской социалистической революции и русского солдата, только что расставшегося с окопами и приехавшего в отпуск на краткую побывку в Петроград. Щукин ведет сцену так, что зритель Ленинным времени на беседу с Шадриным — в разгаре огромных дел революции — вполне оправдана. Ленин — трактует эту сцену Щукин — пользуется каждым случаем узнать о самочувствии, о воле, о настроении масс. Разговаривая с Шадриным, Ильич Щукина как бы вступает в общение с многомиллионными массами русских солдат, жаждущих окончания войны и расторжения тайных договоров царского правительства с Антантой. Сцена приобретает политическую осмысленность, политическое значение.

Вот Ильич Щукина произносит свою речь на лестнице у входа в Смольный — перед массой вооруженных рабочих и моряков Балтфлота. Мысль речи — что человек с ружьем для нашей страны становится защитником лучших принципов человечества. Щукин говорит мягко и тихо, как-то совсем не по-ораторски. Это скорее задушевная беседа с вооруженными отрядами, столпившимися в туманную октябрьскую ночь во дворе Смольного, чем выступление трибуны. Щукин делает беседу вождя с вооруженным народом даже интимной и — если хотите — лирической. Но его слово звучит до такой степени проникновенно, глубоко и неизменно убедительно, что при всей ее интимности чувствуешь, что оно выходит из ограниченного пространства Смольного на необозримые просторы мира. Слушать это слово в финале спектакля, произносимое от имени вождя, хочется долго. Мастерство театра требует от актера лаконизма. В этом один из секретов впечатляющей силы слова, но в этом и своего рода жестокость сценического искусства, лишаящего зрителя возможности подольше остаться с образом Ленина.

Ильич Штрауха дает рекомендацию в партию встретившемуся ему в Смольном крестьянину Тарасу — на клочке бумаги, вырванном им из блокнота. В том, как Штраух пишет карандашом на ходу эту рекомендацию, зорко оглядывая нового знакомого чуть прищуренным глазом, схвачен налету облик Ленина. Да, вот так и никак не иначе, думает зритель, безошибочно узнавал людей Ленин. Да, вот так он жил в те дни на бивуаке. Своим мастерством Штраух убеждает в этом.

Жесты, повороты спины, наклон головы, изогнутое вперед колено, момент беседы с кем-нибудь из окружающих его людей, смелость характера, даже веселый задор всей фигуры и безграничная убежденность в победе — все способствует восприятию образа Ленина в исполнении Штрауха.

Театр им. Вахтангова нашел правду уверенного покоя, которая ощущается при всей суете

ТЕАТР им. ВАХТАНГОВА. «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ».
Нар. арт. СССР Б. В. ЩУКИН в роли В. И. ЛЕНИНА.

и нескончаемом движении появляющихся и исчезающих людей — в Смольном. Это — покой победителей. Покоем овевает зрителя и образ Щукина при всей взволнованности и тревожности событий. Этот покой достигается артистом преодолением малейших сомнений в счастливой судьбе Великой социалистической революции. Образ, созданный Щукиным, подтверждает зрителю, что весь путь Ленина к Октябрю — целесообразность, подготовленная громадными историческими процессами. Отсюда — покой убежденности в непреложности выбранного решения.

В спектакле театра Революции отсутствует логика поведения актеров, изображающих рабочих и моряков, совершающих вместе с Лениным Октябрьский переворот. Положение Штрауха как актера необычайно затруднено. Тем больше чести великолепному мастерству Штрауха, сумевшего вопреки недостаткам пьесы и спектакля создать образ незабываемой силы.

Фильм «Ленин в Октябре» дает повод провести интересную параллель между средствами кино и средствами театра, которыми пользуется Щукин для образа Ленина. Это — тема будущего ответственного исследования.

Своими выступлениями в роли Ленина Щукин и Штраух вошли в историю не только советского, но и мирового театра. Их искусство в создании образа Ленина мы должны, по всей справедливости, назвать подвигом советского актера.

САМУИЛ МАРГОЛИН.